

ВОКРУГ СВЕТА

1927 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 1

6 р. в год за ежем. журн. «Всемирный Следопыт» с прилож. 12 №№ «Вокруг Света», 12 вып. «Библиотеки» и 12 геогр. карт. Для год. подписч. (только непосредств. из Изд-ва) рассрочка: при подписке 3 р., к 1 мая 3 р.

Редакция и контора „Всем. Следопыта“ и „Вокруг Света“: Москва, Кузнецк. Мост, 13
Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только со всеми приложениями) принимается: в конторе журнала, в экспедиции (Москва, Софийка, Лубянский Пассаж, пом. 25—30) и во всех почтовых отделениях.

Объявления в «Вокруг Света» принимаются в конторе журнала (Кузнецкий Мост, 13) и в отделе распространения (Лубянский Пассаж, пом. 25—30, тел. 2-31-78) по 1 руб. за строку нонпарели позади текста.

3 р. 25 к. в полг. года с перес. и дост. за 6 №№ журн. «Всем. Следопыт» со всеми прилож. Отдельно на журнал или прилож. подписка не приним. За границу подп. плата выше на 50 проц. За перемену адреса — 20 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Ледяной корабль (к рисунку на 1-й стр.). — Путешествия вокруг света. Очерк Н. К. Лебедева. — По обе стороны окна. Колониальный рассказ М. Е. Зуева. — Охотник за бабочками. Рассказ Дж. Конрада. — На берестяных крыльях. Заонежская быль. Рассказ Ю. Сахарина. — Что это за мир? Космографич. рассказ-загадка И. Окстона. — Открывая альбом, путешествуешь. Филателистич. очерк А. Чачикова.

...Ледяной шкипер Джонс попрежнему бесстрашно стоял у рулевого колеса, упорно всматриваясь вдаль оледеневшими невидящими глазами.

Ледяной корабль

(К рисунку на первой странице)

Легкая зыбь слегка покачивала шхуну, и волны постукивали о ее борта... Ветер иногда дул порывисто, затем стихал и опять начинал петь свои песни в снастях. Зоркие глаза вахтенного совершенно напрасно вглядывались в ночную тьму, — бури еще не было, но тяжелые черные тучи закрыли небо и затмили свет звезд. Небольшая паровая шхуна «Нарвал» медленно двигалась. Уже несколько дней ей приходилось лавировать между шедшими массой айсбергами и ледяными полями.

Вдруг полный ужаса крик вахтенного разбудил спящую команду: «Айсберг!»... Справа, из темноты, прямо на судно двигалась серая масса. Произошла паника: испуганные люди, несмотря на громкий голос шкипера, приказывавшего успокоиться, кинулись к одной из лодок.

Сильным движением руки повернул шкипер рулевое колесо и уклонился от столкновения. «Нарвал», слегка накренившись, описал полукруг, и ледяная громада медленно проплыла мимо. Но для многих спасение пришло уже поздно, — беглецы слишком спешили и при посадке опрокинули лодку.

Одетые в теплые куртки и тяжелые сапоги, они, как камни, пошли ко дну, раньше чем оставшиеся могли подать им помощь. Минутная трусость погубила их и лишила «Нарвал» значительной части его команды. На шхуне, кроме капитана Джонса, остались только юнга, механик, кочегар и три матроса.

Короткая северная ночь кончилась, и утренние лучи осветили волнующуюся поверхность моря. Пасмурный день не предвещал ничего хорошего. Покрытые пеной валы, нагоняя друг друга, катились мимо. Сильный ветер гнал по небу рваные бело-коричневые облака. Вдруг он переменял направление. Низкие свинцовые тучи поползли с севера и, проходя под облаками, закрыли их собой. Температура, уже стоявшая ниже нуля, сразу упала. Море заклокотало, как кипящий котел.

Шкипер велел снять последние паруса. Два матроса кинулись исполнять его приказание. В это время шхуна сильно накренилась, и обе мачты, сломанные силой урагана, с треском рухнули частью на палубу, частью в море. Их

обломки моментально отнесло в сторону, и цеплявшиеся за них матросы исчезли в седой пучине...

Море при очень сильном морозе еще долго остается судоходным; но горе тому кораблю, которого в такое время застигнет буря, — брызги волн замораживают на-лету и превращают его в сплошную льдину. В таких случаях судно неминуемо погружается, особенно если оно железное. Явление это можно наблюдать зимой даже у берегов Крыма.

Некоторое время, пользуясь машиной, шкипер Джонс еще пытался бороться, но потом, поняв, что ему не справиться с бурей, он стал убегать от нее. Волны трепали отдельные мелкие льдины. Иногда по дороге встречались айсберги. Горы эти раскачивались волнами; каждый удар такого молота мог раздробить в щепки огромное океанское судно. Шкипер Джонс не мог сойти с палубы ни на секунду. При этой погоде малейшее столкновение не только с такой горой, но и с небольшой льдиной грозило судну верной гибелью.

«Нарвал» мало-по-малу покрывался брызгами и обмерзал. На нем образовалась корка. Джонс велел скалывать лед. Он опасался, что отяжелевшее судно погрузится под воду. Юнгу скоро смыло за борт. Джонс вызвал на его место кочегара.

Обросшее льдом судно уже не взлетало на гребни и не подымало мириады брызг при столкновении с волнами, а медленно ползло вверх и клевало носом при опускании. Волны, которым «Нарвал» подставлял теперь корму, катились вдоль палубы и уносили с собой мелкие предметы. Только сознание опасности еще удерживало людей на ногах. Всякий знал, что, если упадет на палубу, то замерзнет.

Первым не выдержал непривычный к холоду кочегар, вторым свалился престарелый матрос. Только шкипер Джонс еще продолжал стоять у руля. Вода обливала его с ног до головы. Перекачивающиеся через палубу волны промочили его обувь и она замерзла. На борде его и усах повисли длинные сосульки. Он весь понемногу стал превращаться в ледяную статую.

Положение его было много хуже положения погибших товарищей, — он не

мог бросить руль, и только изредка позволял себе согреть руки ударами одна о другую, да переминался с ноги на ногу. Но такова была сила жизни этого человека, что, когда оба матроса уже давно превратились в окоченелые бездыханные тела, Джонс все еще вел шхуну.

Под конец и его железный организм не выдержал, силы изменили ему, ноги его подкосились и он всей тяжестью налег на штурвал. Последние мучения прекратились... Приятное тепло разлилось по телу Джонса... Вот и сердце перестало биться... Слитый с рулем, к которому примерзли руки, его труп остался в этом положении, но казалось, что и мертвый он исследует горизонт безжизненными глазами.

Лишенная управления, шхуна начала беспорядочно метаться. Когда вода, залившая машину, выжила оттуда механика, он застал наверху такую картину: буря почти-что улеглась, шхуна покрывалась слоем льда, а три товарища были мертвы. Механик сначала попытался вернуть их к жизни, но тела их звенели, как стекло, и ломались, как лед, а шкипера Джонса вообще нельзя было сдвинуть с места.

Тогда моряк осмотрел судно и пришел к выводу, что спасти его нельзя. Кроме того, течение медленно увлекло шхуну по направлению к северу. Механик не имел никакого желания дожидаться, пока корабль погрузится в воду, и стал сносить необходимые предметы в уцелевшую лодку. Он оставил судно, пересел в шлюпку с целью отыскать ближайший берег, и, верно, погиб в море: его больше не видели...

Но «Нарвал» не затонул. Он сам постепенно превратился в айсберг. Покрывавшая его ледяная кора продолжала нарастать; на релях образовались сосульки и даже остатки парусов его обледенели. Бури перекидывали его из течения в течение, волны и ветер крутили его, но крепкий остоу выдерживал все испытания. Иногда он несколько оттаивал, иногда, наоборот, превращался в сплошную ледяную массу, но ледяной шкипер Джонс попрежнему беспрерывно дежурил у рулевого колеса, упорно всматриваясь в даль оледеневшими невидящими глазами.

Исследование полярных стран

10—12 ноября минувшего года в Берлине происходили очередные заседания основанного в 1924 г. «Международного Научного Общества по исследованию полярных стран» (сокращенно—«Истугедал»), насчитывающего в настоящее время до 180 действительных членов из 19 различных стран. Председателем общества является знаменитый путешественник Нансен, который в своей вступительной речи отметил важность изучения полярных областей как с практической точки зрения, так и с теоретической. Только обстоятельное изучение даст возможность правильно разрешить важный вопрос о колебаниях и распределении теплоты в различных частях земного шара, о распределении морей и частей

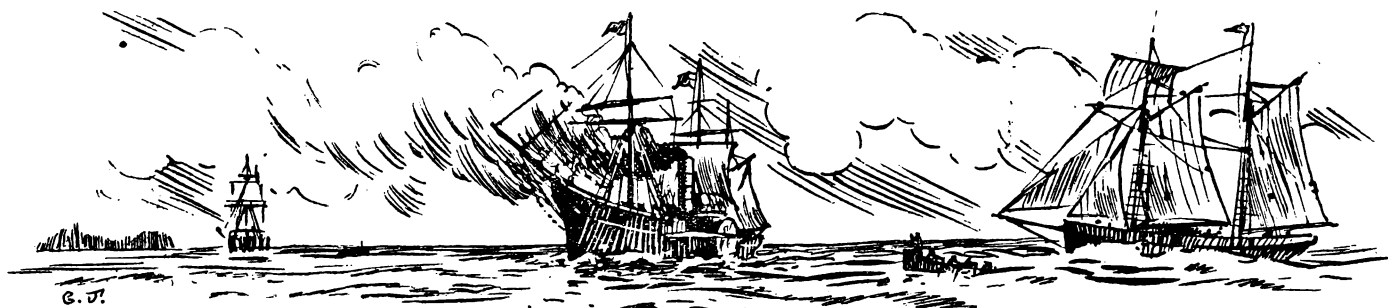
суши по земной поверхности и целый ряд других, не менее важных, метеорологических, океанографических, геофизических и биологических вопросов. Средствами для путешествия в полярные области могут служить самолет и дирижабль. Сам Нансен признает преимущество за дирижаблем.

Капитан Брунс, один из учредителей общества, остановился на практической стороне ближайшего намеченного предприятия. Считая состав будущей полярной экспедиции на дирижабле в 50 человек, капитан Брунс газоместимостью потребного для этого путешествия дирижабля определил в 150.000 куб. м. Вес полезного груза будет не менее 30.000 кг. Стоимость трехмесячной экспедиции

не превысит 4 милл. марок (на все предстоящие полярные экспедиции была израсходована сумма в 85 милл. мар.). Дирижабль, вероятно, будет построен на верфи Цепелина инж. Экенером на средства, собранные по подписке в Германии. К предварительным работам уже приступлено.

Из докладов можно упомянуть еще доклад ленинградского профессора Самойловича о геологических и биологических задачах исследования полярных стран и доклад иркутского профессора Шостаковича о влиянии полярного климата на климат Сибири. Собрание вместе с докладчиком признало возможность организации постоянных и длительных наблюдений над климатом в полярных широтах и постановило просить Советское Правительство об устройстве ряда метеорологических станций в разных пунктах Сибири и за полярным кругом.

Б. В.

Капитаны и экипажи встречавшихся на пути «Саванны» судов, впервые видя посреди океана корабль, окутанный дымом, полагали, что судно горит, и спешили к нему на помощь.

Путешествия вокруг света

Очерк Н. К. Лебедева

Первое путешествие вокруг света мореплавателей—португальца Магеллана и испанца Эль-Кано в XVI веке.—Кругосветные плавания англичан и голландцев: Дрэка, Кавендиша, Де-Ноорта и других.—Первые русские кругосветные путешествия Крузенштерна, Коцебу, Беллинсгаузена и Лятке в первой половине XIX века.—Изобретение колесного парохода и гребного винта.—Сухопутно-морские кругосветки во второй половине XIX века.—Кругосветки наших дней с участием аэропланов.—Вокруг света по воздуху—Современные рекорды кругосветных путешествий.—Кругосветки ближайшего будущего.

Четыреста лет назад человечеством была одержана победа огромной важности: впервые было совершено путешествие вокруг всего земного шара, или, как принято говорить, вокруг света. Это путешествие, задуманное португальским мореплавателем Магелланом, суждено было закончить его спутникам, во главе с испанским мореходом Эль-Кано. Сам Магеллан погиб в битве с туземцами на Филиппинских островах.

Это первое путешествие «вокруг света» представляет величайшее событие в мировой истории. Это путешествие фактически доказало шарообразность земли. Перед лицом этого факта разом рухнули и ушли в область преданий вымыслы о форме и строении нашей земли.

Тысячелетний туман невежества рассеялся перед лицом совершившегося факта, и перед людьми встал во всей своей очевидности тот неопровержимый факт, что наша земля представляет собою огромный шар, который можно обехать кругом. Человечество впервые ясно опознало планету, на которой оно живет.

Значение этого первого кругосветного плавания (и последовавших за ним) не замедлило сказаться на всей системе мировых отношений. Только после этого стала фактически возможной мировая торговля; только при верной карте Земли определились мощь и богатство государств, захвативших новые земли; феодальный строй повсюду заколебался, а новые силы, будущие вершители судеб человечества — торговая буржуазия, молодой капитал,—вышли на дорогу истории.

С тех пор прошло четыре века, и опять совершаются великие события, и опять новые силы — рабочий класс, коммунизм — вышли на смену, — теперь на смену одряхлевшего, умирающего капитала. И ту роль,

что играет сейчас в этой смене могучая техника, когда-то сыграло научное землеведение, построенное тысячами незаметных борцов-путешественников и исследователей, пошедших за Магелланом.

Окидывая мысленным взглядом всю историю этих четырех столетий, истекших со времени путешествия Магеллана и Эль-Кано, мы невольно поражаемся тем огромным прогрессом, который совершило человечество в области преодоления пространства.

Четыреста лет назад на совершение крупосветного путешествия нужно было 1.200 дней. 50 лет назад этот срок укоротился до 80 дней, а теперь—до 40. Таким образом, за четыре века человечество научилось передвигаться в тридцать раз быстрее. Благодаря этому наша земля стала как бы «меньше» в тридцать раз, чем была для наших предков.

Знаменитый португальский мореплаватель Магеллан, совершивший первое путешествие вокруг света в 1519—1522 гг. (Со старинной гравюры).

Вместе с этим нельзя не отметить и того факта, что четыреста, даже двести лет назад путешествие вокруг света было делом крайне трудным. И лишь немногие наиболее отважные мореходы и купцы решались последовать примеру Магеллана.

Из отправившихся с Магелланом 265 человек через три года плавания в Испанию вернулись только 17 человек. 248 человек погибли в пути от голода, болезней и при столкновениях с туземцами. Во время этого путешествия спутники Магеллана, плавая по неизвестным и необозримым пространствам океана, доходили до того, что питались кожей, которой были обшиты корабельные снасти, а судовые крысы считались лакомством.

Когда 8 сентября 1522 г. в гавань города Севильи прибыл полуразбитый корабль «Виктория» (Победа) и с него сошли семнадцать оборванных и истощенных людей, вся Севилья собралась на берег Гвадалквивира, чтобы взглянуть на этих людей, ибо они впервые обехали вокруг земли! Их подвиги и страдания были необычайны, и участник экспедиции, итальянец Антонио Пигафетта, пишет в своей истории этого плавания: «Я думаю, что теперь, после нас, никто из людей не предпримет такого путешествия».

И, действительно, после Магеллана и Эль-Кано больше пятидесяти лет никто, несмотря на сильную тягу торгового капитала к новым рынкам и наживе, не отваживался предпринять новое кругосветное путешествие. Лишь в конце XVI столетия, а именно в 1577 г., путешествие вокруг света предпринял смелый английский пират Фрэнсис Дрэк, который отправился через океан по следам Магеллана. Плавание Дрэка продолжалось также целых три года.

Третьим мореплавателем, совершившим кругосветное путешествие,

Первые голландские кругосветные мореплаватели высаживаются на берегу неведомой земли.

был также английский пират, Генри Кавендиш. Он отправился в плавание в 1586 г. и вернулся в Англию в 1588 г. На путешествие кругом света Кавендиш употребил два года и полтора месяца.

Четвертым и последним кругосветным путешественником XVI века был голландец Де-Ноорт.

Трудность и риск кругосветных путешествий в то время были так велики, что за весь XVII век было совершено только четыре путешествия вокруг света: одно — голландцами Лемером и Схоутэном, которые первые обогнули материк Южной Америки, а не воспользовались, как предыдущие мореплаватели, Магеллановым проливом; три остальные кругосветки в XVII веке совершил английский пират Вильям Дампиер.

В XVIII веке мы видим снаряжение кругосветных путешествий уже с изыскательными целями. Англия и Франция снарядили в XVIII столетии семь кругосветных экспедиций, которые проложили новые торговые пути и содействовали расширению географического кругозора.

В XIX столетии кругосветные экспедиции начинают снаряжать и царская Россия. Первая русская кругосветная экспедиция была снаряжена в 1803 г. под начальством Крузенштерна на кораблях «Нева» и «Надежда». Второй русской кругосветной экспедицией была экспедиция корабля «Рюрик» под начальством Коцебу. Третья русская кругосветная экспедиция была отправлена в 1819 г. под начальством Беллинсгаузена. Наконец, четвертой русской кругосветной экспедицией была экспедиция под начальством Литке (впоследствии основателя Русского Географического Общества) на корабле «Сенявин». Эта экспедиция пробыла в плавании с 1826 года до 1828 года.

Из английских кругосветных экспедиций первой половины XIX века особенно выдается экспедиция под

начальством капитана Бичи на корабле «Бигль» в 1831—35 г.г. В этой экспедиции принял участие молодой английский натуралист Чарльз Дарвин, которому позднее суждено было произвести целую революцию в области естествознания.

В XIX столетии произошел промышленно-технический переворот. Этот переворот внес громадные изменения и в морской и в сухопутный транспорт. Возможность промышленной «революции» явилась следствием изобретения паровой машины.

В области транспорта паровая машина повела к значительному ускорению передвижения по суше и по морю. Первый «пароход», как

С корабля «Виктория» сошли семнадцать оборванных и истощенных людей, встречать которых собралась вся Селвия.

известно, был построен американским инженером Робертом Фультоном в 1807 г. Но морские или, вернее, океанские пароходы появились только в 1819 г.

В 1819 г. пароход «Саванна» впервые пересек Атлантический океан из Нью-Йорка в Ливерпуль. «Саванна» совершила путь через океан в 25 дней, из них 18 суток судно двигалось при помощи пара. Не обошлось при этом без курьезов: капитаны и экипаж встречавшихся на пути кораблей, впервые видя посреди океана судно, окутанное дымом, полагали, что судно горит, и спешили ему на помощь. Когда же они подходили к мнимогорящему судну поближе, то поражались необычайным для них явлением: корабль, выпуская из труб клубы

дыма, шел с большей скоростью, чем под парусами!

Однако, первые попытки применения пароходов в морском транспорте оказались неблагоприятными. Дело в том, что первые пароходы были колесными, а большие колеса с бочков парохода для морских судов были крайне непрактичны.

Вследствие этого развитие парового сообщения по морям пошло успешно только тогда, когда в 1836 г. англичанин Смит избрал гребной винт, который и заменил собою колеса. После этого винтовые пароходы начали бороздить во всех направлениях моря и океаны.

Паровые суда значительно ускорили сообщение по морям, но, тем не менее, плавание на пароходе вокруг света требовало времени около года, так как приходилось объезжать материковые массы и острова.

Поэтому путешественники второй половины XIX столетия при кругосветных путешествиях стали пользоваться не только пароходами, но и железными дорогами. Железные дороги начали строиться начиная с 1852 г.; к семидесятым годам прошлого столетия торгово-промышленный капитал настолько продвинулся в своем развитии, что все главные пункты земного шара были уже связаны рельсовыми путями.

Но и в морском деле техника не стояла на месте: морские пароходы за последние 50 лет не только выросли в своих размерах, но и развили вдвое свою скорость. Если еще 40—50 лет назад скорость в 12—13 узлов¹⁾ считалась предельной, то в наши дни большие океанские пароходы делают обычно от 20 до 25 узлов (37—45 клм) в час.

Таким образом, пароходы из Европы в Америку, или обратно, идут всего только в 5½ суток, а быстроходные тихоокеанские пароходы совершают рейсы между Сан-Франциско и Иокогамой в 10—12 суток.

Поезда железных дорог тоже стали ходить гораздо быстрее, чем

¹⁾ Морской узел равен 1850 метрам.

Спутники Магеллана во время плавания так бедствовали, что лакомились судовыми крысами.

40—50 лет тому назад. Но к услугам путешественника в наши дни, кроме пароходов и железных дорог, прибавилось еще новое средство сообщения—путешествие по воздуху.

Современное человечество завоевало воздушный океан, и воздухоплавание обещает стать в недалеком будущем главным средством пассажирского передвижения на земном шаре.

В настоящее время в Европе и Америке, а также и в других частях света открыт целый ряд воздушных пассажирских линий. Воздушная пассажирская линия Нью-Йорк—Сан-Франциско протяжением ок. 4.500 километров дает возможность путешественнику пересечь весь материк Америки в 2½ суток.

Но и такая скорость уже перестает удовлетворять современного человека. В настоящий момент по заказу Соед. Шт. Сев. Америки на амстердамских заводах Фоккера строится величайший в мире сверх-аэроплан для линии Нью-Йорк—Сан-Франциско. Моторы этого корабля-гиганта будут развивать силу, достаточную для покрытия расстояния между Сан-Франциско и Нью-Йорком в 30 часов, т.-е. вдвое скорее, чем в настоящее время.

В данный момент проектируется организация трансарктической воздушной линии из Европы в Японию и Сан-Франциско.

Этот воздушный путь через северную полярную область позволит человеку попасть из западной Европы в Японию на 8-й день.

Проектируется также создание аэролинии через Атлантический океан. При установке этой линии на перелет из Лондона в Нью-Йорк потребуется всего лишь 1 сутки вместо теперешних 5—6.

Таковы ближайшие перспективы воздушного сообщения. Благодаря организации этих аэролиний, а также благодаря установке проектируемой воздушной линии Париж—Пекин, кругосветное путешествие займет не более 20 дней.

Однако, в данный момент, когда еще земной шар не объединен регулярными аэролиниями, путешествие вокруг света по воздуху требует даже больше времени, чем на пароходе и по железной дороге.

Первый опыт воздушного путешествия вокруг света, сделанного американцами в 1924 году, потребовал целых пять месяцев, или 150 дней.

Поэтому в наши дни всякий, пожелавший в кратчайший срок облететь вокруг земли, должен был бы скомбинировать все три вида современных сообщений.

Вот примерный маршрут путешествия «Москва — Москва» в 33 дня:

Москва—Берлин (аэроплан)	—	16 час.
Берлин—Лондон	—	9 "
Лондон—Соутгемптон (железн. дор.)	—	2½ "
Соутгемптон — Нью-Йорк (пароход)	—	5 сут.
Нью-Йорк — Сан-Франциско (аэроплан)	—	2 " 12 час.
Сан-Франциско—Иокогама (пароход)	—	11 " —
Иокогама — Владивосток (пароход)	—	3 " —
Владивосток—Москва жел. дорога)	—	10 " —

Всего . . 32 дня 15½ ч.

Из 30.000 клм. всего пути 10.000 клм. Эванс и Уэлльс пролетели на аэропланах, 13.000 клм. проплыли на пароходах и 7.000 клм. проехали по железным дорогам и на автомобиле.

Без сомнения, когда будут установлены намеченные в настоящее время международные аэролинии, о главнейших из которых мы уже говорили выше, путешествие вокруг света потребует еще меньше времени.

Таковы перспективы завтрашнего дня. А что будет послезавтра?..

Быть может, еще наше поколение будет свидетелем кругосветных пере-

Схематическая карта современного кругосветного сухопутно-морского и воздушного путешествия, которое может быть сделано в 33 дня.

Стоимость такого путешествия вокруг света с содержанием в пути обойдется около четырех тысяч рублей.

Маршрут этой кругосветки показан на помещаемой здесь схематической карте с обозначением способов передвижения.

Таким образом, путешествие вокруг света в 33 дня не представляет теперь ничего сверхординарного. Летом 1926 г. два американца, инженер Эванс и журналист Линтон Уэлльс, совершили даже кругосветное путешествие в 28 дней 14 часов 36 минут и 51 секунду (см. № 9 «Всем. След.» за 1926 г.).

Летов в десять дней. И недалек уже тот момент, когда человек с полным правом сможет повторить слова Колумба: «El mundo es poco!» (Мир невелик!).

По всей вероятности, путешествия вокруг света в будущем сделаются предметом массовых экскурсий и явятся могучим средством объединения всех трудящихся земного шара.

Необходимо лишь, чтобы сами трудящиеся разрушили — пролетарской революцией — те искусственные «пограничные» перегородки, которые воздвиг между ними и поддерживает в своих целях международный капитал.

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ОКНА

Колониальный рассказ
М. Е. Зуева

Рассказ удостоен премии на литературном конкурсе „Следопыта“ (1926 г.)

I.

Стол стоял рядом с окном. Поэтому человеку, вошедшему в комнату с зажженной лампой, пришлось подойти близко к окну.

Вложив лампу в проводочное гнездо, он взял со стола длинный плоский хлебец и отрезал от него большой ломоть. Затем из широкогорлого горшка вытащил ножом кусок вареной баранины и начал есть, не снимая мяса с ножа.

Другой человек, стоявший по другую сторону окна, на улице, тихо застонал. Не сводя горящего взгляда с хлеба и мяса, судорожно вцепился в раму руками. С трудом проглотил тягучую голодную слюну и в изнеможении прислонился к стене.

Не замечая горящих голодом глаз за окном, человек в комнате ел не спеша, наслаждаясь. Вцепившись зубами в баранину, закрыв от удовольствия глаза, он отрывал мясо маленькими кусочками и жевал его медленно-медленно. Когда с бараниной было кончено, он вытер нож, страхнул с колен хлебные крошки и, держа лампу впереди себя, удалился куда-то вглубь дома, притворив за собой дверь.

В комнате снова стало темно. Лишь через щель от неплотно притворенной двери лег на пол луч света, тонкий и длинный.

Человек на улице тоже отошел от окна. Качаясь, сделал несколько шагов и тяжело опустился на кучу майсовой соломы. Уперся подбородком о ладони и исподлобья взглянул на дом.

Деревянный, из гладко обструганных досок, крытый красной черепицей, дом резко выделялся из всех остальных хижин деревни, бамбуковых, обмазанных глиной, с соломенными крышами. Рядом с домом щупала небо высокой ступенчатой крышей деревенская пагода¹⁾.

Губы человека зашевелились.

— О, Тао-Пангу, о брат мой, — зашептал он. — Если я попрошу у тебя пить, ты напоишь меня ядом змеи, если я попрошу есть, ты отправишь меня к белым дьяволам, которые накормят меня свинцом. Это так...

Он бессильно опустил голову. Но тотчас решительно вскинул ее. Под-

нялся, и, подойдя снова к окну, прижался лицом к стеклу, всматриваясь.

В комнате было попрежнему темно. Даже луч на полу теперь исчез. Видимо, в соседней комнате погасили лампу, или плотнее притворили дверь туда.

Человек вытащил из-за пояса длинный и тонкий, как шило, нож. Всунил его под нижний край рамы окна и нажал на ручку. Рама тихо треснула. Человек вздрогнул и огляделся по сторонам. Затем снова нажал на ручку. Створки окна бесшумно распахнулись.

Человек перекинул одну ногу в комнату и, сидя верхом на подоконнике, наклонил вперед голову, вслушиваясь и всматриваясь. Мертвая тишина и темнота комнаты успокоили его. Он перекинул через подоконник вторую ногу и встал на пол. Крадучись, шагнул вперед и... зажмурил глаза от яркого света.

В широко распахнувшихся дверях соседней комнаты стоял человек. В левой руке он держал высоко над головой лампу, правая сжимала весело поблескивавший никелем револьвер.

— Зачем ты попал сюда, вор, собака?! — крикнул человек с револьвером.

Человек с улицы опустил голову:

— Я хотел взять только хлеба. Я голоден. Я не ел четыре дня.

Человек с револьвером усмехнулся:

— Так говорят все воры. Брось нож.

Человек с улицы бросил нож на пол и поднял голову.

Лампа вздрогнула и чуть не вывалилась из державшей ее руки.

— Кай-Пангу! Брат мой...

— Да, я Кай-Пангу, твой брат.

II.

Два человека, полчаса тому назад стоявшие по разные стороны окна, теперь стояли друг против друга.

С первого же взгляда можно было понять, что это — братья-близнецы. Оба были высоки ростом, с бледно-шоколадным цветом кожи, тонки в талиях и широки в плечах. У каждого была большая голова, длинные прямые волосы, орлиный с горбинкой нос и глаза с чуть косым узким прорезом. Даже родинка, похожая на ущербленную луну, была у обоих братьев в левом уголке рта. И, если бы не разница в одежде, нельзя было бы отличить одного брата от другого.

На Тао-Пангу была белая чесучевая пижама, надетая прямо на голое тело, и такие же брюки. На Кай-Пангу был лишь кусок грязной материи, обернутый вокруг бедер и завязанный концами между ног, в виде короткой юбки.

Но Тао-Пангу отличался еще от брата, кроме одежды, более бледным, каким-то сероватым цветом лица. Такую мутную бледность накладывает на лица лишь опиум.

— Как ты попал сюда? — спросил хмуро Тао-Пангу.

— Меня преследуют белые... полиция. Я скрываюсь... Я четыре дня не ел ничего, кроме сухих зерен маиса...

И, глядя в упор на брата сузившимися от света зрачками, Кай-Пангу спросил:

— Что ты теперь сделаешь со мной?

Тао-Пангу поставил лампу на стол и сел на низкий плетеный стул, держа револьвер на уровне груди брата.

— Я отведу тебя в Сайгон, к префекту французов.

— Зачем?

Тао-Пангу улыбнулся, холодно, одними губами:

— Брат мой, разве ты ребенок? Ты ведь — Кай-Пангу, вождь «лесных братьев»?

Кай-Пангу вскинул голову.

— Да.

— И ты перебил эскадрон французских улан, посланных губернатором наказывать взбунтовавшуюся деревню Фен-Ча-Жу?

— Да. Я, — послышался гордый ответ.

— Кроме того, ты поджег портовые пакгаузы французов в Сайгоне? — Тоже я.

— А разве не ты сжег уже созревшие посевы маиса и индиго на плантациях французского губернатора Ляберка?

— И это я.

— Попробуй солгать, что не твоя шайка разгромила летнюю резиденцию мандарина-советника, светлейшего Вун-Ньямо-Чжи.

— Да. И мы жалею лишь об одном: что не смогли повесить и самого мандарина, эту кровавую собаку. Он успел бежать в Сайгон.

— А потому французы назначили за твою голову награду в пять тысяч золотых пагод¹⁾, и я хочу получить это золото.

¹⁾ Буддийский храм.

¹⁾ Золотая монета в Индо-Китае.

— Но зачем оно тебе, брат мой? Ты живешь один, у тебя нет жены и детей, тебе хватает с избытком на хлеб, мясо и даже, я вижу по твоему лицу, на опиум.

— Золото никогда не бывает лишним, — нехотя ответил Тао-Пангу, воровато пряча глаза от пристального взгляда брата.

— Но ведь я же брат твой, — сказал просто и искренно Кай-Пангу.

— Ты не брат мне более, — взвизгнул Тао-Пангу и никель револьвера, вздрогнув, заиграл невинными зайчиками на потолке. — Благодаря твоим разбоям французы хотели лишить меня должности здешнего судьи. Будь ты проклят, и пусть священная дощечка над алтарем предков запятнается твоим позором, лесной вор и разбойник!

Кай-Пангу горько рассмеялся.

— Я вижу, что белые купили моего брата за пост деревянного судьи. За сколько же ты продался, брат мой?!

Тао-Пангу оскорбленно дернул губой. На этот раз сдержался и ответил спокойно:

— И ты мог бы быть тем же, чем я.

— О, нет, брат мой. Жить подачками белых? Никогда.

Тао-Пангу раздраженно выплюнул пережеванный бетель, окровавив губы, и, оскорбительно подчеркивая каждое слово, сказал:

— Ты заговорил так только с того дня, когда французский офицер избил тебя хлыстом, как бродячую собаку.

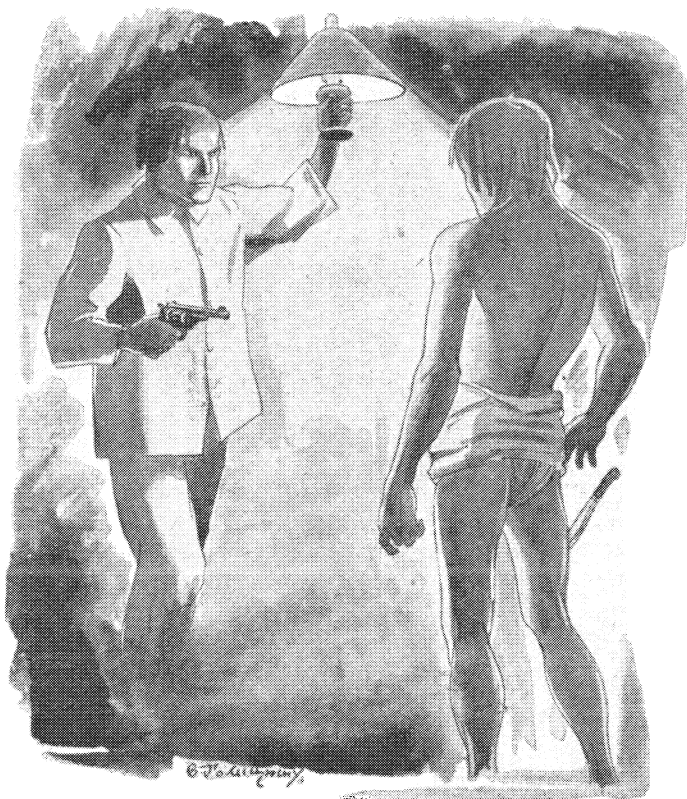
— О нет. Это только окончательно толкнуло меня на путь, по которому я сейчас иду. Неужели ты не видишь и не слышишь, как стонут под пятой белых пришельцев все наши братья?! Стонет Бирма, Кохинхина, стонут Аннам и Тонкин. Стонет вся наша земля, от Иравади до Меконга, от истоков великого Ян-Цзе-Кианга до Малакки. А ты продаешь братьев за кусок мяса и трубку опиума...

— Молчи, вор! — угрожающе сверкнул белками глаз Тао-Пангу.

— И когда там, на улице, голодный, я смотрел на тебя, как ты ел, я понял, что мы с тобой стоим по разные стороны окна. И нам никогда не сойтись. У тебя окна, как в домах белых господ, со стеклами, и этими стеклами ты навсегда отгородился от своего народа.

— А ты хочешь спасти его от гнета белых? — улыбнулся презрительно Тао-Пангу.

— Да, мы, «лесные братья», освободим наш народ. К нам бегут все, кого давит каблук белых: бирманцы, тонкинцы, аннамиты, даже дикие мбика, лаосы с горных высот, таи из центральных провинций полуострова, саманги из Малакки, каренна с низовьев Сальвены и катыни с верховьев Иравади... О, мой брат, блеск золота белых ослепил твои глаза, иначе бы ты увидел, что наша страна умирает от голода, деревни пустеют, поля заброшены, скелетами стоят засохшие чайные кусты, а ту-

— Зачем ты попал сюда, вор, собака?! Брось нож! — Человек с улицы бросил нож на пол и поднял голову... Лампа вздрогнула и чуть не вывалилась из державшей ее руки.

товые деревья давно срублены на корм скоту. Кучка белых пауками присосалась к нашей стране и душит ее безжалостно...

— А кто же будет править страной, когда вы прогоните белых? Как в старину? Король и мандарины?

— Га! Это значило бы, убив одну змею, посадить народу за пазуху другую. Нет. Страной будут управлять те, кто имеет на это право: рабочие из городов, крестьяне, дроворубы, пастухи и рыбаки.

— Ты глупец. Такого порядка нет ни в одной стране.

— Таков порядок в далекой суровой стране снегов. Их научил этому великий вождь, освободивший страну снегов от мандаринов. И он уничтожит мандаринов во всем мире.

Тао-Пангу поднялся. Лицо его дергалось и кривилось в конвульсиях бешеного гнева и темного ужаса.

— Ты безумный! Ты обезумевший буйвол, и я должен спасти от твоего бешенства невинных людей. Ты пойдем со мной в Сайгон.

— Я пойду в Сайгон, но не с кандалами на руках, а во главе моих «лесных братьев».

— Тогда я убью тебя и отнесу твою голову префекту.

— Нет, собака белых!..

Лампа, сброшенная со стола, молнией мелькнула в воздухе, ударились об стену, и, разбившись вдребезги, потухла. В темноте грохнул револьверный выстрел, другой. Затем послышалось падение на пол чего-то тяжелого, сдавленная брань... тихий умоляющий стон... хрипение. И все смолкло...

Из раскрытого окна на улицу потянулся кислый пороховой дым.

III.

Сразу, словно сдернутое покрывало, пропала ночь. Заглубели нежно дали, и расцвел золотом восток.

Медные звуки гонга разбудили деревню. Пагода звала на утреннюю молитву.

Собравшись трусливо в кучки и перешептываясь, крестьяне с любопытством тарачили глаза на судью, тщательно запиравшего двери своего дома. Он, видимо, собрался в дальний путь. За плечами — дорожная сумка, на боку, в парусиновом кобуре — револьвер. В руках судья держал небольшой круглый сверток.

Пройдя деревней, судья, не отвечая на низкие поклоны крестьян, отворачивался в сторону, укрывая лицо под широкими полями соломенной шляпы.

Крестьяне проводили его удивленными взглядами.

Тропинка зазмеилась между посевами маиса и индиго, прильнула к сайгонскому шоссе. Под ногами путника заскрипел гравий...

Лучи встававшего солнца кровью окрасили мутные волны Меконга. А вдали, в пыльной дымке, уже раскинулся Сайгон.

По камням шоссе звонко зацокали лошадиные копыта. Судья поднял голову. Навстречу ему, поскрипывая седлом, шагом под'езжал полицейский сержант.

Вздрогнув, судья остановился и нерешительно шагнул назад. Но быстро

Дрожащими руками сержант развернул сверток и вынул голову. Мертвые, широко открытые глаза тускло блеснули на солнце.

оправился и замер на месте. Лишь для чего-то открыл револьверный кобур и смерил взглядом расстояние до ближайшего леса.

Осадив заплывавшую лошадь и перегнувшись в седле, сержант крикнул:

— Приятель, эй! Что несешь?

Из-под широких полей шляпы доносилось спокойное:

— Голову разбойника Кай-Пангу, к префекту.

Сержант с трудом перевел дыхание.

— Ты врешь, каналья!

— Посмотри сам.

Дрожащими руками сержант развернул сверток и увидел голову. Мертвые, широко открытые глаза тускло блеснули на солнце.

— Боже мой, он, он! Вот и родинка в виде полумесяца. Где ты ее... где ты его?..

Закрывая старательно, как бы от солнца, лицо полями шляпы, судья ответил:

— Я крестьянин из Гуан-Ши. Я убил его на своем поле, он от голода ел колосья маиса.

— Славный подарок префекту! — хихикал сержант.

Закинув голову в седельную кобур, он повернул лошадь к Сайгону.

— Прощай, приятель.

— Но...

— Чего тебе еще?

— Я бы сам хотел получить обещанную за эту голову награду. Пять тысяч золотых пагод.

— Ты просто дурак. Хватит с тебя и этого. Лови!

Блеснули высоко в воздухе и плевками легли на шоссе два никелевых кванга. Сержант прищпорил коня и поскакал, взвихривая за собой красноватую пыль.

Человек в широкополой шляпе долго смотрел ему вслед. Потом перевел взгляд на монеты. Не дотрогиваясь до них руками, носком ноги засыпал их песком — и вдруг ловким упругим броском перекинулся через придорожную канаву и исчез в кустах.

IV.

Префект Геляр всплеснул руками: — Он, он! Нет сомнения. Боже, как доволен будет губернатор!

Хлопнул ласково себя по лысине и, обращаясь к самому себе, воскликнул:

— Ну, толстячок, крест Почетного Легиона тебе обеспечен!

Лейтенант Денойе, стоявший за спиной префекта, удивленно вскрикнул:

— А от кого эта записка?

— Какая записка? — округлил от удивления глаза префект.

Из стиснутого мертвого рта лейтенант выдернул клочок бумаги и протянул его Геляру.

Префект читал медленно. Сначала его лицо выразило недоумение. Но вдруг он побледнел, как полотно, и тяжелым мешком рухнул в кресло.

Бумажка тихо скользнула на пол. Лейтенант поднял ее и прочел:

Тебе, префект, в подарок посылаю я голову твоего верного слуги, судьи Тао-Пангу из Гуан-Ши. Он был моим родным братом и все же хотел предать меня. Ты своим золотом сделал из него верную собаку белых. Но скоро я доберусь и до твоей головы. Берегись ветра с севера!

«Лесной брат» Кай-Пангу.

Лейтенант Денойе задумчиво потер переносицу:

— Да. Если полетят листья на нашу крышу, то благодаря лишь северному ветру.

— Что?.. — прохрипел ничего не понимающий префект.

— Я говорю, всему этому виной северный ветер, — отрубил лейтенант.

И оба зябко передернули плечами под мокрыми от пота кителями, словно уже почувствовали приближение далекого северного шквала...

От редакции „Всемирного Следопыта“

В ноябре прошлого года в столичной печати появилось объявление о предполагаемом в 1927 г. издании в Ленинграде двухнедельного журнала путешествий и приключений под названием «Вокруг Света». Раз'ясняем, в связи с этим, что наш «Вокруг Света» издается в Москве В КАЧЕСТВЕ ПРИЛОЖЕНИЯ к ежемесячному журналу «Всемирный Следопыт» (3-й год издания) при ближайшем участии основного ядра сотрудников прежнего журнала «Вокруг Света» — издательством «Земля и Фабрика», и никакого отношения к объявлению о ленинградском журнале этого же названия не имеет.

Охотник за бабочками

Рассказ Джозефа Конрада

Штейн был богатый коммерсант. Его фирма вела торговлю с островами; немало торговых станций, собиравших продукты тропиков, было основано им в самых заброшенных уголках океана.

Ровным светом светило его благодушное, спокойное лицо, — длинное, лишенное растительности, изборозженное глубокими морщинами и бледное, как у человека, который ведет сидячий образ жизни. Его жидкие волосы были зачесаны назад, открывая высокий массивный лоб. Казалось, в двадцать лет он должен был выглядеть почти так же, как выглядел теперь, в шестьдесят. Своей наружностью Штейн походил на ученого; лишь брови, почти совсем белые, густые и косматые, да твердый про-

ницательный взгляд не гармонировали, — если можно так выразиться, — с его ученым видом. Штейн имел высокий рост. Привычка слегка горбиться и наивная улыбка придавали ему такой вид, словно он всегда готов благосклонно вас выслушать.

Штейн был также и натуралистом, или, вернее, ученым коллекционером, пользовавшимся некоторой известностью. Его коллекция жуков — отвратительных маленьких чудовищ, которые казались злобными даже будучи мертвыми и неподвижными, — и коллекция бабочек, красивых и безжизненных под стеклами ящиков, завоевали себе широкую известность.

Имя этого коллекционера, искателя приключений и даже, одно время, советника малайского султана,

стало известно ученым Европы благодаря трем сотням ящиков собранных им насекомых. Но европейские ученые не имели понятия о его жизни и характере, да это их и не интересовало.

Штейн родился в Баварии; двадцатидвухлетним юношей он принял участие в революционном движении 1848 года. Баварская полиция долго выслеживала его, и он бежал в Триест, где нашел приют у одного бедного республиканца, часовых дел мастера. Оттуда он пробрался в Триполи с запасом дешевых часов для уличной продажи. В Триполи Штейну посчастливилось. Там он наткнулся на одного натуралиста-голландца, который затем пригласил Штейна в качестве своего помощника и уехал с ним на Восток.

Больше четырех лет, и вместе и поодиночке, путешествовали они по Малайскому архипелагу, собирая

— Только еще один такой экземпляр имеется: в Лондоне, и больше нигде. Я завещаю всю эту коллекцию родному городу, — сказал Штейн. — ... 'Чудесный экземпляр!' — повторил он громко.

редких насекомых и птиц. Затем натуралист отправился на родину, а Штейн, не имевший возможности, как политический эмигрант, вернуться в Баварию, остался на чужбине. Вскоре он познакомился с одним старым торговцем, встретив его во время путешествия в глубь острова Целебес.

Этот старый шотландец, единственный белый, которому разрешили проживать в то время в стране, был другом правительницы государства Уаджо.

Однажды шотландец привел своего приятеля Штейна в зал совета, где собрались все раджи, заместники, старшины и сама правительница.

— Смотри, правительница, и вы, раджи, это — мой сын, — возвестил шотландец. — Я торговал с вашими отцами, а когда я умру, он будет торговать с вами и сыновьями вашими. Назначаю его своим наследником.

Таким образом, Штейн унаследовал привилегированное положение шотландца, а также его запас товаров и благоустроенный дом на берегу единственной в стране судоходной реки.

Вскоре после этого старая правительница умерла. Появились многочисленные претенденты на ее место. Жители страны разделились на несколько враждебных друг другу партий, и Штейн присоединился к партии своего друга, младшего сына покойной правительницы, — того самого, которого он впоследствии называл не иначе, как «мой бедный Мохаммед Бонзо».

Оба они были искателями приключений, и однажды в течение месяца с горсточкой приверженцев выдерживали осаду в доме Штейна против целой армии. Кажется, туземцы и по сей день толкуют об этом сражении.

Тем временем Штейн не терял случая поймать для своей коллекции какую-нибудь редкостную бабочку или жука, как только тому представлялась возможность. После восьми лет войны, переговоров, перемирий, внезапных восстаний и предательств, когда мир, казалось, окончательно установился между враждующими, кратковременный правитель страны, «бедный Мохаммед Бонзо», был убит у ворот своей резиденции в тот момент, когда он сходил с коня, вернувшись после удачной охоты.

Это событие сделало положение Штейна крайне ненадежным. Быть может, он все-таки и остался бы на острове, если бы, спустя некоторое время, от злокачественной лихорадки не умерла его жена, сестра Мохаммеда, а затем дочь Амма. Штейн по-

кинул страну, где ему невыносимо было оставаться после такой тяжелой потери.

Так закончился первый — авантюристический — период карьеры Штейна.

У Штейна вначале было немного денег. Он начал жизнь заново: с течением времени сколотил значительное состояние, много путешествовал по островам. Но затем подкралась старость, и последнее время он редко уже покидал свой поместительный дом, находившийся в трех милях от города.

Штейн вел торговлю островными продуктами; жил уединенно со своими книгами и коллекциями, классифицируя экземпляры, переписываясь с европейскими энтомологами, со-

Держа в одной руке револьвер, Штейн сорвал другой рукой с головы шляпу... Сделал шаг... Еще шаг...

ставляя описательный каталог своих сокровищ.

Такова была история Штейна.

Однажды поздно вечером я вошел в кабинет Штейна, миновав предварительно огромную и тускло освещенную столовую. В доме было тихо. Мне показывал дорогу пожилой и мрачный слуга-яванец в белой куртке. Распахнув дверь, слуга воскликнул негромко: «О, господин!» и, отступив в сторону, скрылся, словно призрак, лишь на секунду воплотившийся именно для этой услуги.

Штейн, сидевший на стуле, повернулся и поднял на меня глаза. Он приветствовал меня, по своему обыкновению, спокойно и любезно.

Лишь один угол большой комнаты, угол, где стоял его письменный стол, был ярко освещен лампой под абажуром. Все остальное пространство

растворялось в бесформенном мраке, словно пещера.

Узкие полки с одноцветными темными ящиками одинаковой формы тянулись вдоль стен, отступая от пола, темной полосой метра полтора в ширину. Катакомбы жуков... Деревянные таблички с надписями, отделенные неправильными промежутками, были прикреплены к ящикам. Свет падал на одну из них, и название какого-то вида насекомых, написанное золотыми буквами, мерцало в полумраке.

Стеклянные ящики с коллекцией бабочек выстроились тремя длинными рядами на маленьких столиках с тонкими ножками. Один из таких ящиков стоял на письменном столе, который был усеян продолговатыми листками бумаги, исписанными мелким почерком.

— Вот за каким делом вы застаете меня, — сказал Штейн.

При этом рука его коснулась стеклянного ящика, где великолепная бабочка распростерла темные бронзовые крылья размахом около двадцати сантиметров; крылья были прорезаны белыми жилками и окаймлены роскошным бордюром из желтых пятнышек.

— Только один такой экземпляр имеется у вас в Лондоне, и больше нет нигде, ни в одном музее. Родному городу я завещаю эту коллекцию. Частицу меня самого. Лучшую частицу.

Он наклонился вперед и напряженно всматривался, опустив голову над ящиком. Я стоял за его спиной.

— Чудесный экземпляр... — прошептал он, и как будто позабыл о моем присутствии.

Я наблюдал эту напряженную, почти страстную сосредоточенность, с какой он смотрел на бабочку. Как будто в бронзовом мерцании легких крыльев, в белых линиях, в ярких пятнах бабочки он мог видеть что-то иное, — образ чего-то хрупкого, нежного.

— Чудесный экземпляр! — повторил он уже громко, взглядывая на меня. — Посмотрите. Красота! Обратите внимание на точность, гармонию линий. Эта бабочка такая хрупкая и... сильная в то же время. Таков закон природы, — равновесие колоссальных сил. И каждая звезда так гармонична, каждый стебелек травы... Могучий космос в совершенном своем равновесии произвел на свет вот эту бабочку. Это — чудо, это — шедевр природы, великого художника.

— Никогда не слыживал подобных речей от этномолога, — весело заметил я. — Шедевр! Что же вы скажете о человеке?

— Человек — удивительное создание, но отнюдь не образцовое произведение искусства, — ответил Штейн, глядя на стеклянный ящик.

Он улыбнулся, откинулся на спинку стула и вытянул ноги.

— Садитесь, — сказал Штейн. — Я сам поймал этот редкий экземпляр в одно чудное утро. И я пережил большое волнение. Вы не знаете, что значит для коллекционера заполучить такой редкий экземпляр. Вы не можете знать.

Я улыбнулся и удобно устроился в кресле. Казалось, Штейн глядел куда-то в даль, сквозь стену, вспоминая прошлое.

Он рассказывал:

— Однажды ночью ко мне явился вестник от «бедного Мохаммеда», который призывал меня в свою «резиденцию», отстоявшую на девять или десять миль от моего дома. Туда вела проезжая тропа, прорезавшая возделанную равнину и лесные участки.

Рано по утру я выехал из своего уединенного дома, расцеловав предвзвительно маленькую Эмму и передав дом на попечение жены. Жена проводила меня до ворот; она шла, положив руку на шею моей лошади.

Жена говорила мне на прощанье, как говорят все женщины в таких случаях: просила быть осторожным и вернуться домой до темноты, сетовала, что ехать мне приходится одному.

Война продолжалась, и в стране было беспокойно. Оставшиеся закрывали окна дома щитами, защищавшими от пуль, и заряжали ружья. Жена просила меня не бояться за нее, уверяя, что сумеет защитить дом до моего возвращения. Я рассмеялся от удовольствия. Мне приятно было видеть ее такой смелой, молодой и сильной. Я тоже был тогда молод. У ворот она взяла мою руку, пожала ее и быстро ушла в дом. Сидя на лошади, я ждал, пока не задвинули засовы у ворот.

В то время по соседству бродил со своей бандой наш враг, — человек аристократического рода и подлого нрава. Я проехал легким галопом четыре или пять миль. Ночью шел дождь, но теперь, утром, туман рассеялся, и небо было чисто. Передо мной раскинулась долина, улыбающаяся, свежая и невинная...

Вдруг раздался залп. Мне показалось, что прозвучало по меньшей мере двадцать выстрелов. Я слышал свист пуль, шляпа моя съехала на затылок. То была, видите ли, маленькая хитрость: враги, очевидно, устроили так, что Мохаммеду пришлось послать за мной, а затем приготовили засаду. В одну секунду я понял это, и подумал: «Нужно и мне пойти на хитрость». Мой пони захрапел, подпрыгнул и остановился, а я медленно наклонился, опустив голову на его гриву. Пони пошел шагом. Увидав одним глазом над бамбуковой зарослью слева слабое облачко дыма, я подумал: «Ага, друзья мои, почему вы не подождали стрелять? Ваше дело еще не выгорело! О, нет!». Правой рукой я потихоньку вытащил револьвер.

Нападающих было только семеро. Они вышли из травы и, подоткнув свои саронги и размахивая копьями, пустились бежать за моим пони. На бегу они перекликались, намереваясь поймать лошадь, так как считали меня мертвым. Я дал им подойти совсем близко, а затем выстрелил три раза, — все три пули попали в цель. Еще раз я выстрелил, целясь в спину человека, но промахнулся, — он был уже слишком далеко. Тогда я выпрямился в седле и увидел: один убитый лежал, свернувшись в клубок; другой растянулся на спине, опустив руку на глаза, словно заслоняясь от солнца; третий медленно сгибал ногу, а потом судорожно ее вытянул.

Сидя на лошади, я следил за ним пристально, но больше он не шевелился — застыл неподвижно. И, пока я всматривался в его лицо, стараясь подметить признаки жизни, вдруг слабая тень скользнула по его лбу. То была тень бабочки. Я поднял глаза и увидел, как бабочка летела прочь и вскоре скрылась из виду. Я слез со своего пони и очень медленно пошел вперед, ведя за собой лошадь и сжимая в руке револьвер. Я бросал взгляды направо, налево, вверх, вниз, всюду. Наконец, я увидел бабочку: она сидела на кучке грязи, шагах в пяти от меня. Я отпустил лошадь и, держа в одной руке револьвер, другой рукой сорвал с головы свою мягкую войлочную шляпу. Сделал один шаг... Остановился... Еще шаг... Хлоп! Поймал!

Поднявшись на ноги, я дрожал от сильного возбуждения, а когда рас-

крыл эти великолепные крылья и увидел, какой редкий и совершенный экземпляр мне достался, — голова закружилась и ноги подкосились. Собирая коллекцию для профессора, я давно и страстно желал заполучить такой экземпляр. Я предпринимал далекие путешествия, подвергался тяжелым лишениям, презил об этой бабочке во сне, и вот теперь я держал ее в своей руке, — она была моя...

**

Штейн замолчал и деловито начал набивать трубку с длинным мундштуком, затем, прикрыв отверстие трубки большим пальцем, многозначительно посмотрел на меня.

— Да, дорогой мой друг. В тот день мне более нечего было желать: я разбил замысел своего злейшего врага; я был молод и силен; имел друга и любовь женщины, имел ребенка. И даже то, о чем я грезил не раз во сне, лежало на моей ладони... Сердце мое было полно.

Штейн чиркнул спичкой. Вспыхнул яркий огонек. Судорога пробежала по задумчивому лицу рассказчика.

— Друг, жена, ребенок... — медленно проговорил он, глядя на маленькое пламя; потом дунул; спичка погасла. Он снова наклонился над бабочкой в стеклянном ящике и глубоко вздохнул; прекрасные хрупкие крылья слабо затрепетали, словно его дыхание на секунду вернуло к жизни то, чем он так любовался.

— Работа идет, — заговорил вдруг Штейн беззаботным тоном и указал на разбросанные листки, — подвигается хорошо. Я сделал описание этого редкого экземпляра... Ну, а теперь поговорим о наших делах, — добавил он.

Штейн опустил стеклянную крышку, резко щелкнул автоматический замок. Взяв ящик обеими руками, Штейн бережно понес его на прежнее место к стене; из яркого круга, освещенного лампой, он вступил в полосу более слабого света и, наконец, в бесформенную тьму. Его высокая фигура, наклонясь, бесшумно двигалась среди невидимых предметов и, как будто, выполняла там какие-то ему одному известные обязанности.

Казалось, это была тень, бродившая среди могил бабочек...

НА БЕРЕСТЯНЫХ КРЫЛЬЯХ

Заонежская быль. Рассказ Ю. Самарина

Помещаемый здесь рассказ написан Ю. Самариним, научным сотрудником Музея Народов СССР в Москве (см. очерк об этом музее в № 7 «Всем. Следопыта» за 1926 г.), со слов олонецкого крестьянина Кирика (внука героя этого рассказа, Кузьмы Андреича Сарафанова). Внук по сию пору бережно хранит берестяные крылья деда у себя в подклети. Музей Народов предполагает приобрести их и перевезти на хранение в Москву.

Заонежье — страна озер, страна каменных холмов, зеленых перелесков и лужаек. Летом в Заонежье белые ночи, а зимой день короток, озеро делается большой проезжей дорогой, и по всему краю бушуют снежные вьюги и бураны.

А обитатель этого края — народ с глубокими синими глазами, синими, как волна Онежского юзера, и русыми волосами.

Трудно живет крестьянину на Онежском озере. Земля, загроможденная валунами и камнями, не дает хорошего урожая. Главное занятие населения, это — сплав леса и рыбная ловля.

**

Однажды вечером, по приглашению старика-рыболова Кирика, мы отправились на озеро в небольшой лодке, по-местному — «сойме». Сначала мы быстро шли на парусах, но постепенно ветер стал меняться и стихать, так что, наконец, паруса повисли. Мы сели на весла. Проехав немного, остановились, и старик расставил сети. С веселым подмигиванием, ухмыляясь, он объявил нам, что «рыба нынче будет».

Озеро было тихое. Солнце садилось. Кое-где на водной глади виднелись лодки рыбаков, слышались всплески играющих рыб. Чайки белыми стрелами носились над поверхностью озера, и на берегу слышался звон колокольчиков возвращавшегося стада. Все было бы хорошо, если бы не комары, которые тысячами облепляли нас, немилосердно кусали и отравляли существование своим пискливым назойливым концертом.

Старик поднял сети из воды и стал вываливать в лодку пойманную добычу. На дне лодки затрепыхалась и засверкала извивающимися чешуйками крупная и мелкая рыба. Тут были форели, небольшие сиги, палья, шуки, окуни, салага или салажка. Лов был удачный. Закинули сети еще раз, и вытащили добычи не меньше. Старик, довольный и

гордый, что не осрамился перед гостями, вытащил сети, сел на руль, и мы поехали к берегу.

— А куда же малявок девать будешь? — спросили мы у Кирика.

— Сущик сделаем, — ответил он.

— Какой «сущик»?

— А нешто не видали, на крышах-то раскладывают мелочь рыбную-то. Как солнце опалит, высушит ее, так — в мешки, а зимой из нее похлебку и пироги делаем.

Способ — довольно примитивный.

Мы стали рассказывать Кирику Степановичу о современных открытиях и изобретениях. Грести было трудно и томительно, и мы заговорили о моторной лодке. Кирик ехидно ухмыльнулся в бороду и сказал:

— Видал я эти моторы, как у нас англичане стояли. Запыхтит-запыхтит по озеру, да и ломается. Глядишь, все одно хлебным паром тащить придется.

Я сказал об аэропланах, что вот где — сел и без труда полетел куда нужно. Тут старик совсем разволновался:

— Ну, чего вы все «ропланы да ропланы». Знамо дело, это — не заморская затея. С кеих пор слышали мы, что хрещеные от земли летать пробовали. Небось, и про ковер-самолет читали. А еще я вот скажу, только это не сказка, а истинная быль, и у нас в деревне, в Косельге, приключилась. Старик жил, моему дедке братаном¹⁾ считался, — Сарафанов Кузьма Андреич. Такой это

¹⁾ Двоюродный брат.

Берестяные крылья, на которых «летал» Кузьма Андреич. Фотография с натуры Ю. Самарина.

затейник, руки золотые! Все мастерит чего-нибудь: то змея нам, ребятишкам, запустит, то кораблик затейный выстроит с парусами, то мельницу вырежет и крылья вертеться пустит, то еще что. Детей было у него много. Но вот беда случилась. В одно лето, в ягодник¹⁾, все перемерли, и осталась только одна дочь. Ну, девоньку, понятно, подрастили, стали ее сватать, а отец-то все жалеет от себя ее отдавать, уж больно он Марью любил. Пришло, однако, время, и выдали ее замуж на Пудожский берег за купца, вон, из Уножьского погоста, — Кирик указал при этом на чуть видимую полоску синеего берега. — Свезли туда мареино приданое, отец у ей погостил, ну и домой приехал.

Стал он со старухой вдвоем жить, да тут и старуха его скоро долго жить приказала. Старик, Кузьме Андреичу, жизнь плохая пришла, и стали за ним соседи-то его приглядывать. Помню тоже, мальчишкой я тогда был, выйдет, бывало, он на крылечко либо на улицу, станет лицом к озеру, да так и стоит, все глядит туда, за озеро, а Онего-то бурливое бывает, волны так и бегают, и ветер-северик так и рвет, а Кузьма Андреич все стоит да на Пудожский берег поглядывает. А о весне, бывает, долго у нас ни конного, ни пешего, никакого проезде по озеру нет, — лед-то солнышко растопит, льдины плавают, а на лодке проехать нельзя.

В ту пору тоска у старика все больше становилась, и стал он пропадать. Слышим мы, что он все у себя дома, в светелке, что-то стучит да мастерит, а на улицу и не выходит. А мы, мальчишки, стали за ним подглядывать, уж больно нам любопытно было, что это там дедка делает.

Пошел он раз в рошу с топором, а мы забрались к нему по лестнице на верхний двор, да и притулились за сени в угол и глядим; много тут у Кузьмы Андреича навале всего было: и кора березовая, и прутья, и жердочки какие-то, а для чего — нам неизвестно. Слышим, и сам идет он по лесенке и длинные тонкие жерди несет. Принес и стал что-то приколачивать да прилаживать. Нас любопытство все больше да больше пробирает, так что взяли мы, да и вышли втроем из-за сеней.

¹⁾ Ягодником называют в деревне и ягодную пору и эпидемию желудочных болезней.

Он увидел, да к нам:
«Вы чего, бесенята, здесь шныряете!».

А мы ему:

«Вот, дедушка, охота посмотреть, чего - то ты тут работаешь».

«Ну, постреленки, погнал бы вас, да ладно уж, глядите», — а сам себе на плечи вскинул штучку такую и — словно коршун стал с крыльями длинными, и крыльями — так и махает.

«Слыхали, небось о ковре-самолете? Ну так вот, и я скоро полечу, как птица, за Онего на Уножское».

Мы глаза так и вылипли, стоим, и сказать ничего не можем.

«Только вы, чур, никому не говорите. А то выдеру».

Как ушли мы от Кузьмы Андреича, так и боялись болтать о его затее, потому и впрямь стали его за колдуна почитать. И стали мы потом к нему часто приходить, а потом и бояться его перестали и подсоблять ему начали. То пошлет, бывало, ему прутьев нарезать, то гвоздь, куда велит, вколотим, и так все ходили, пока раз ввечеру сказал он нам, что завтра, как солнышко-став будет, полетит он к дочери.

Вскочили мы в то утро чуть свет. На дворе холодно было и туман такой, что под горой Онего совсем и не видать. Спали все, только косачи в роще щелкали, да скотина в дворах сено жевала, да колокольцами стучала. Бежим, а у Кузьмы Андреича уже из трубы дымок поднимается, — видать, ему перед лётаньем чайку напиток захотелось, а сам он сидит такой сурьезный и ни слова не говорит, и даже не поглядел на нас. Потом скоро туман расходиться начал, солнышко вышло, и по всему-то острову скакуши расквакались.

Кузьма Андреич крылья свои взял и влез на крышу (дом его в деревне крайний, а за домом яр, а за яром и озеро). Влез он, встал, а мы и смотрим, и думаем: «а ну - ка, полетит ли али нет?». А он крылья-то расправил да закрепил, да прямо с крыши и скинулся. Полетел — упал, и лежит около амбарной стенки, не шелохнется, ничком. Мы побежали, а к нему - то подойти боимся. Думаем, может, и помер уж он, и бросились — кто куда. Собрали народ, а он все лежит и крылья - то переломаны, на спине согнуты. Подняли

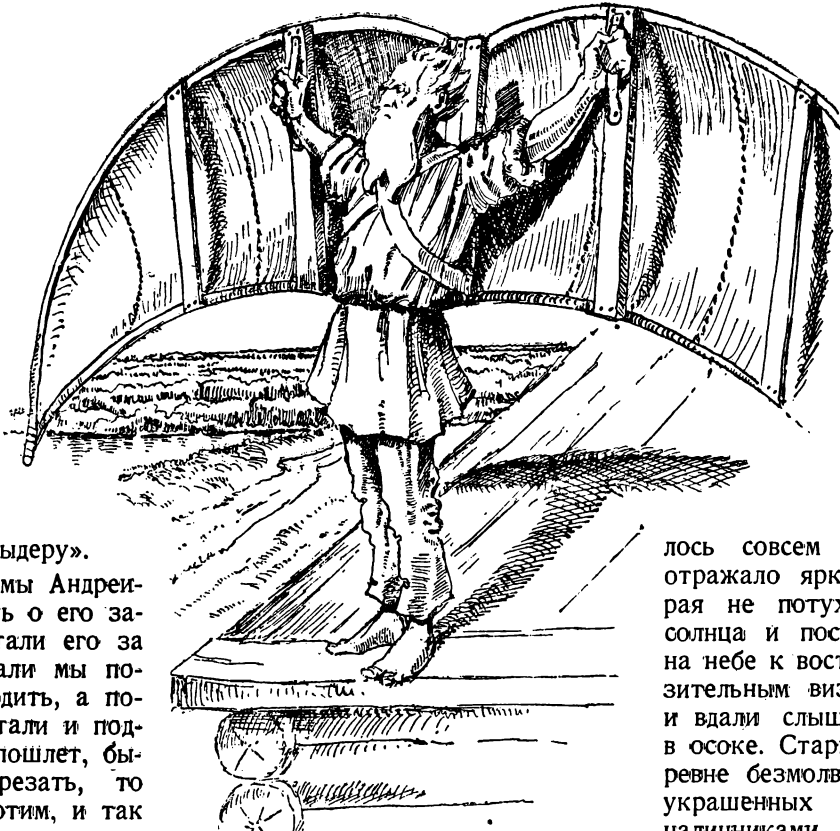
его, а он все молчит, глядит, только и рукой и ногой владать не может. Положили его, за знахарем-костоправом сбегали, — суставы ему выправил, но только Кузьма Ан-

дреич до самой смерти все прихрамывал.

Крылья свои Кузьма Андреич берег и перед смертью мне их завещал. Ужотко покажу вам, и по сей день у меня в подклети лежат. Вот, хрещенные, а говорите ро-планы - то заморская выдумка: видите, с ких пор у нас летать учились!

... Во время рассказа старика мы под-ехали к самому берегу. Он кончил свою повесть, и мы стали выходить из лодки. Стояла белая ночь, часы показывали полночь, озеро сдела-

лось совсем тихим и гладким и отражало яркие цвета зари, которая не потухала с самого захода солнца и постепенно передвигалась на небе к востоку. На озере с пронзительным визгом носились кулики, и вдали слышалось крикание уток в осоке. Старые высокие дома в деревне безмолвствовали, а в окнах, украшенных резными узорчатыми наличниками, играли и переливались золотые отблески зари, — уже не вечерней и еще не утренней.

Кузьма Андреич влез на крышу, крылья расправил, закрепил, да прямо с крыши и скинулся.

Что это за мир?

Космографический ¹⁾ рассказ-загадка И. Окстона.

Допустим, что некий чудак-ученый получил в свое распоряжение колоссальные средства для устройства своеобразного искусственного «мира» и решил населить его людьми, не открыв им, однако, устройства этого «мира»... Помещаемый здесь рассказ И. Окстона построен именно на этом условном допущении.

I.

Два человека медленно продвигались по краю пустыни. Это были: молодой врач Бойль и его друг, более пожилой, Снебон, школьный учитель.

Они сильно утомились, проголодались и мечтали о приятном отдыхе.

В показавшейся вдали черной точке путники вскоре узнали автомобиль, бегущий в их сторону.

В нескольких шагах от них автомобиль остановился, и из него вышли два человека в черных масках и с револьверами в руках.

— Джентльмены, — произнес один из налетчиков, — потрудитесь немедленно сесть в наш автомобиль.

¹⁾ Космография — наука об устройстве вселенной — охватывает области астрономии и физической географии.

— Что вам нужно от нас? — спросил доктор Бойль.

— Вы останетесь совершенно невредимы, — продолжал человек в маске. — Вашим кошелькам также не грозит никакой опасности. Но вам предстоит полет на одну вновь открытую планету. Вы полетите туда в пушечном ядре.

— Что за глупости! — сказал с возмущением Снебон. — Мы не желаем никуда лететь. Мы устали и проголодались...

— Вы получите возможность утолить свой голод, но... не задерживайте нас.

Косясь на револьверные дула и страшные маски незнакомцев, доктор и учитель нехотя влезли в темный закрытый кузов автомобиля; за ними туда же последовали и загадочные бандиты в масках. Автомобиль поехал.

— Вы совершаете преступление, — проговорил учитель. — Вы хватаете двух

мирных граждан и под угрозой смерти везете их куда-то... Что все это значит? Если вы думаете получить за нас выкуп...

— Никаких выкупов,—резко ответил один из незнакомцев.—Мы просто отправим вас на новую планету в пушечном ядре...

Темная внутренность автомобиля освещалась электричеством, и перед пленниками очутились бутылка вина и закуски. Доктор и учитель так сильно хотели есть и пить, что без рассуждения набросились на угощение, оставив пока мысли об ожидавшей их «новой планете».

После завтрака они начали клевать носом, и вскоре уснули глубоким сном.

— Наше винцо великолепно подействовало,—сказала одна из находившихся в автомобиле странных личностей.

Через два часа бешеной езды, в продолжение которых пленники продолжали безмятежно спать, автомобиль остановился.

Пленники были вынесены и помещены в приготовленное конусообразное ядро.

II.

Доктор очнулся первым. Он с удивлением осмотрелся, и нашел себя лежащим в согнутом положении на дне какой-то бочки; учитель Снебон лежал рядом с ним в таком же положении.

Из окошечка наверху пробивался свет, и в этом странном помещении было по-лугемно.

Доктор растолкал учителя.

Тот, мыча, продрал себе глаза.

— Где мы?—спросил Снебон.

— А чорт его знает,—ответил доктор.—Похоже, что мы спим в какой-то бочке.

— Гм... Уж не ядро ли это, в котором мы должны будем полететь на... луну или, как ее там... новую планету.

— Бросьте,—сказал доктор.—Можно ли верить ерунде, какую разводили наши похитители насчет «полета в пушечном ядре». Мы просто посажены в какой-то глупый ящик. Скорее всего, мы сделались жертвами сумасшедших.

Неожиданно доктор увидел напротив себя бумажку, приклеенную к стене бочки. На бумажке было написано:

«Откройте дверь ядра, когда наверху увидите свет, и выходите».

Вскоре была найдена и дверь. Открыв ее, пленники вышли наружу.

III.

Вокруг них простиралась ровная пустынная местность, невдалеке были видны роща и домик, над головой — утреннее безоблачное небо.

— Мы, конечно, находимся на Земле, а не на какой-то новой планете,—сказал доктор Бойль.

— Без сомнения,—ответил Снебон.—Давайте, пойдем к этому домику и узнаем, кто в нем живет. С помощью хозяина домика мы сумеем выбраться из этой пустыни.

Но, увы,—домик оказался необитаемым.

На столе, у окна, «междупланетные путешественники» нашли новую записку. В ней было кратко сказано:

«Вы находитесь на вновь открытой планете. Бочка с пресной водой, консервы и сухари находятся под столом. Через неделю за вами прилетит ядро с Земли».

Прочтя эту записку, доктор расхохотался:

— Что за глупая мистификация!

— Мы, конечно, не останемся ожидать этого ядра, а взяв с собой продовольствие, отправимся искать жилое место,—сказал Снебон.

На часах доктора было половина шестого утра. Солнце только-что встало из-за горизонта.

Друзья с изумлением заметили, что солнце, находясь на небольшой высоте над линией горизонта, плывет над ней, медленно поднимаясь.

В течение часа оно обошло кругом все небо и снова очутилось над местом восхода, находясь только несколько выше над горизонтом.

— Что это за чертовщина?—спросил доктор у школьного учителя.

— А то, что мы, кажется, действительно находимся на другой планете,—был ответ Снебона.

— Снебон, не сошли ли мы с ума?—опасливо проговорил доктор.

Снебон развел руками:

— Вам лучше знать. Вы врач...

В следующий час солнце опять обошло все небо кругом, поднимаясь в то же время еще выше над горизонтом. То же произошло и в течение третьего часа. Солнце восходило, обегая небо по спиральной линии.

В полдень солнце совершило самый короткий путь вокруг зенита и начало заходить такой же спиральной линией, при чем зашло оно почти в точке восхода.

С момента восхода до захода солнца прошло 15 часов, и в течение этого времени солнце совершило по небу 15 больших и малых кругов.

— Вот тебе и мистификация!—сказал учитель.—Теперь ясно, что эти мошенники действительно забросили нас на какой-то особый мир.

— Уж не на Марс ли?—высказал догадку Бойль, ничего не смысливший в астрономии.

— Нет, спирального восхода и захода солнца, насколько мне известно, не наблюдается ни на одной планете нашей солнечной системы,—возразил Снебон,

преподававший в числе других школьных наук и космографию.

— Чорт возьми, неужели мы за такое короткое время попали в систему какой-нибудь отдаленной звезды?!

Стала всходить луна,—и с нею произошла такая же история, что и с солнцем: она восходила по спиральям. Заблестели звезды—и они тоже закружились спиральями.

— Однако, где же у нас север?—спросил доктор Бойль.—Очевидно, по солнцу здесь нельзя определить стран света.

Учитель знал, что на Земле очень легко найти север по Полярной Звезде. Он быстро отыскал Большую Медведицу и по ней Полярную Звезду. Угловое положение ее (т.-е. высота над горизонтом) было здесь почти такое же, как и в том месте земли, где Бойль и Снебон были захвачены в плен. Но в течение часа Полярная Звезда вместо того, чтобы стоять неподвижно, совершила на небе полный круг. Значит, она не годилась для определения севера.

Бойль заметил одну звезду, которая в течение четверти часа не сдвинулась с места; она была над головой наблюдателей.

— Вот где север этого мира, или юг. Мы на одном из полюсов,—авторитетно заметил доктор.

Но звезда оказалась «Полярной» лишь для данного момента: спустя несколько часов, она сперва сдвинулась на новое место, а потом совершила по небу ряд все больших кругов.

Попавшие в «иной мир» доктор и учитель должны были признать, что они не в состоянии определить стран света и по звездам.

Раздосадованные, они вошли в домик, чтобы переночевать.

А утром Бойль, роясь в вещах, находившихся в домике, нашел маленький компас.

— Ура!—вскричал он радостно,—теперь-то мы получим возможность ориентироваться.

Они вышли с компасом. Стрелки компаса, как его ни вертели, показывали в определенную сторону. Значит, в этом мире компас действовал, как ему полагается.

По правую сторону стрелки, т.-е. на востоке, восходило солнце.

— Вон та роща находится от нас как раз на севере,—сказал доктор, довольный результатом наблюдений.

Но, взглянув на компас через полчаса, доктор ахнул от удивления: роща, которая была на севере, теперь была как раз на юге. А еще через 15 минут она оказалась на западе.

— И по компасу мы ничего не определим!—воскликнул учитель с досадой,—в этом мире, очевидно, нет ни севера, ни юга.

IV.

Находящиеся в загадочном мире доктор и учитель ничего не знали об аэроплане, вылетевшем за 75 верст от них (по прямой линии через их долину).

Но, когда аэроплан приблизился, он был замечен нашими обитателями загадочного мира.

— Эге,—сказал Снебон.—В этом мире есть аэропланы. Значит, это не какая-нибудь дикая необитаемая планета.

— Он кружит над местностью, что-то высматривает,—заметил доктор.—Не подать ли ему сигнал?..

Но аэроплан как появился, так и исчез по кривой линии.

Если бы доктор и учитель узнали, что летчик пролетел над местностью, держась направления на северо-восток по компасу, и что линию своего полета он считал совершенно прямой, они с ним не согласились бы. Для них «прямая» летчика, была, несомненно, кривой линией.

— Так вы думаете, что мы не на Марсе?—спросил Бойль, когда приятели вошли в домик позавтракать.

— Нет, мы не на Марсе,—отвечал учитель.

— Так, может быть, это Венера?

— И не Венера. Вообще это какой-то особый... загадочный для нас мир...

...Если бы в распоряжении наших «межпланетных путешественников» находились точные астрономические и измерительные приборы, учитель космографии в первое время, производя астрономические наблюдения, был бы немало озадачен...

— Этот мир,—сказал бы он своему товарищу,—движется вокруг нашего солнца; но мало того—он движется по земной орбите.

— Он следует за земным шаром?—задал бы вопрос доктор.

— В том-то и штука, что не следует... А сейчас, например, он находится в точке весеннего равноденствия вместе с земным шаром. Вы понимаете, что это значит? Это значит: два небесных тела находятся одновременно в одной точке пространства.

— Значит, миры столкнулись, и Земля, может быть, погибла!—проговорил бы в ужасе Бойль.

— Но мы не ощущали никаких толчков, и, как видите, невредимы,—заметил бы Снебон.

Даже и настоящий астроном, привыкший представлять себе всякую планету в виде шара, обращающегося вокруг

солнца, немало бы попотел прежде, чем смог бы разгадать конструкцию загадочного мира, на который он попал. А Бойль и Снебон не имели нужных приборов и до этого не углублялись в небесную науку...

Подходил срок обещанного прилета «ядра» за невольными обитателями таинственной планеты.

Но мы не станем следить за возвращением «межпланетных путешественников» домой, «на Землю», а прямо поставим перед читателем ряд вопросов, ответить на которые он должен, руководствуясь сведениями о «загадочном мире», добытыми при чтении этого рассказа.

1) Где находился «загадочный» мир?

2) Каковы были его формы?

3) Каковы были его размеры?

4) Какие он совершал движения в пространстве?

5) Чем объясняется спиральное восхождение солнца и звезд?

6) Почему обитателям этого мира прямая линия полета аэроплана казалась кривой?

7) В каком месте «загадочного мира» находились доктор и учитель?

Ответ на эти вопросы будет напечатан в № 2 «Вокруг Света».

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

РАСКРЫВАЯ АЛЬБОМ, ПУТЕШЕСТВУЕШЬ.

Не всякий из нас имеет возможность посетить далекие страны,—путешествие связано с большими затруднениями, из которых материальная сторона, конечно, играет главнейшую роль. Однако, читая Жюль Верна и Майн-Рида, позже—Джека Лондона и Джозефа Конрада, каждый хочет сам побывать в странах, описываемых этими авторами.

И собиратели почтовых марок—филателисты—отчасти достигают этого, перелистывая свои альбомы.

Филателия безусловно может играть, и играет подсобную роль при изучении географии. Иллюстрацией этого является ряд марок, выпущенных с изображением географической карты той или иной страны.

Первой ласточкой в этом отношении явилась марка Панамы (Колумбия, Центр. Америка), выпущенная в 1887 г. по случаю прорытия знаменитого Панамского канала. Примеру этой страны последовали: Венецуэла (1896 г.), Канада (1898 г.), Доминиканская республика (1900 г.), С.-А. С. Ш. (1904 г.), Новая Земля (Австралия)—(1908 г.), Сан-Сальвадор (1923 г.), Ирландия (1923—24 г.). Даже наша соседка—Эстония—не отстала в этом от других стран. Как пример этого типа марок, помещаем здесь марку с изображением о-ва Реюнион (франц. колония в Индийском океане)—(рис. 1).

Чтобы знать, какое значение придает подобным маркам-картам государствами, их выпускающими, здесь необходимо привести интересный спор,

возникший в 1900 году между Доминиканской республикой и соседней с нею—Гаити.

Когда вышла марка Доминики с изображением карты страны, то оказалось, что ее граница была отнесена несколько западнее, чем это было на самом деле. Гаити усмотрела в этом нарушение своих интересов и вручила Доминиканской республике грозный ультиматум. Дело уже доходило до войны, но вооруженное столкновение удалось предотвратить дипломатическим путем.

Рис. 1.

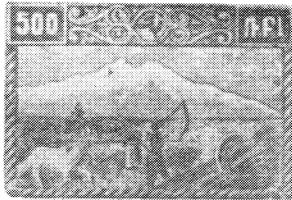

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

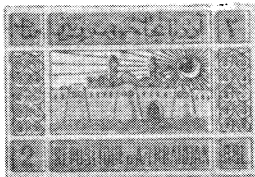

Рис. 8.

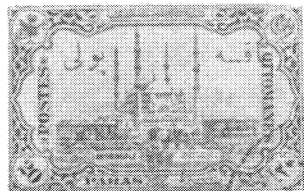

Рис. 9.

гории и Швейцарии; вулканы Японии, Новой Земли и Сан-Сальвадора (рис. 5); величайшие в мире водопады — Виктория (на марках Южной Африки), Ниагара (С.-А. С. Ш.), Британской Гвианы и Ямайки (рис. 6)—на марках соответствующих стран; хлопковые плантации французской колонии Того в Африке (рис. 7).

Природное богатство страны—нефть—можно видеть на марках советского Азербайджана; на марках этой же республики встречается памятник древнейшей архитектуры страны—знаменитый храм огнепоклонников (рис. 8).

Из замечательных сооружений: Суэцкий канал, прорытый в 1868 году под руководством инженера Фердинанда Лессепса, изображен на марке, выпущенной в том же году акционерной компанией строителей этого канала; на марке же С.-А. С. Ш. мы встречаем «Золотые Ворота»—мировую гавань Сан-Франциско. Турция (султанская и новая), С.-А. С. Ш., Бельгия, Люксембург и ряд других стран в целых сериях марок, как, напр., марка с видом Адрианополя прежней Османской империи (рис. 9), показывают свои достопримечательности.

Колониальные выпуски марок дают нам виды оазисов, отдельных городов, важнейших морских портов и т. д.

В заключение необходимо отметить знаменательный и единственный пока, в отношении географии, случай выпуска коммеморативной (юбилейной) серии марок,—египетских марок в честь заседавшего в 1925 году в Каире международного географического конгресса.

А. Чачиков.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Пловучий университет.

Одна буржуазная амеракинская учебная организация придумала устроить своего рода «пловучий университет» на большом океанском пароходе, зафрахтованном для продолжительного плавания. На пароходе во время рейса читаются лекции для студентов разных специальностей, сопровождаемые по возможности практическими занятиями.

18 сентября 1926 г. пароход отбыл из Нью-Йорка, миновал о. Кубу, прошел через Панамский канал к берегам Южной Калифорнии и направился далее к Гавайским островам, при чем везде по дороге задерживался в крупных портах.

Студентов на пароходе было около 500 человек при 50 преподавателях. Занятия велись ежедневно с 8 час. утра и протекали гораздо успешнее, чем на су-

ше. Большое внимание, по американскому обычаю, было уделено спорту.

Особенно большие выгоды представляло пребывание на пароходе для слушателей естественных наук, которым море дало обильный материал для их работ. При остановках парохода в портах устраивались обычно образовательные экскурсии.

Этот спыт следовало бы, пожалуй, использовать и у нас в СССР, для нашего пролетарского студенчества.

Прогулка по морскому дну.

Американский водолаз Эвертс прошел на пари по дну Гемптон-Родской бухты 8 км. в течение 2 ч. 41 м.

Чтобы легче передвигаться под водой, Эвертс, помимо обычного водолазного костюма с башмаками, снабженными свинцовыми подошвами, обвязал себя добавочным грузом весом 53 кг. Все время он шел по дну в темноте. Необходимый для дыхания воздух накачивался насосом, помещавшимся на сопровождавшем Эвертса буксирном пароходе. Главное затруднение в воде, по словам Эвертса, представляли постоянный подъем и спуск по неровностям илистого дна бухты. Местами глубина дна достигала 30 м. Поверхность моря была бурная.

Ответственный редактор В. Нарбут.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

Первая Всесоюзная Авиационная Лотерея Авиахима СССР.

8.002 выигрыша-путешествия
на сумму 111.401 рубль.

Выигрышами являются:
Кругосветные

путешествия,
путешествия

по Европе,
полеты в Крым,
на Кавказ и Украину
и круговые полеты
над городами СССР.
Цена билета 50 коп.
Билеты продаются во
всех ячейках Авиа-
хима и в отделениях
Госбанка.

Выигравшие путешествия и желающие их использовать получают от Лотерейного Комитета заграничные паспорта (при заграничных путешествиях), билеты на проезд по воздушным, железнодорожным и паровым линиям, снабжаются одеждой и всеми необходимыми дорожными принадлежностями; на личные расходы путешествующего выдаются суточные в размере 15 (пятнадцати) рублей в день за все время путешествия, а при путешествиях по Америке — 25 (двадцать пять) рублей в день.

Каждый рабочий, служащий и военнослужащий может отправить путешествие, не опасаясь потери своего заработка: Лотерейный Комитет возместит ему весь его средний заработок за все время путешествия (сверх суточных); занимаемая выигравшим должность сохраняется за ним, и возвращение его после путешествия к месту постоянной работы или службы обеспечено соглашением Авиахима с Народным Комиссариатом Труда СССР.

ОТКРЫТА ЗАПИСЬ НА ЗАОЧНЫЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ БЮРО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

ПРИ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ.

Преподают: русский язык, арифметика, природоведение, обществоведение, география и др. общеобразовательные предметы. Плата за обучение: для жителей городов—2 р. 50 к. в мес., вступит. взнос—50 коп.; для жителей деревни—1 руб. в мес., вступит. взнос—25 к. С письменными запросами обращаться: МОСКВА, (центр), Сretenка 8/8, Бюро заочного обучения. С личными запросами туда же с 5 до 9 час. веч. ежедневно, а в воскресенье—с 10 до 2 час. дня.

Иллюстрированный журнал путешествий, приключений, охоты, спорта и фантастики

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

Единственный в СССР журн., издаваемый по программе прежн. журн. «Вокруг Света».

Год. подписч. 1927 г. получат:

12 книг богато иллюстрированного журнала в многокрасочных обложках.

12 №№ «Вокруг Света», в формате и объеме №№

прежн. журн. этого назв.

12 вып. Библиотеки «Всемирн. Следоп.» в которую войдут избр. романы и расск. лучш. иностр. писат.

12 географ. карт в краск. (на обор. обл. «След.»).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на «Всемирн. Следоп.» с прил. на 1 г.—6 р.; на 6 м.—3 р.

25 к.; на 3 м.—1 р. 75 к.

Цена отдельного ном. 50 к.

Год. подписч. при подп. не-
поср. из Изд-ва рассрочка:

при подписке—3 р. и к

1 мая—3 р.

Подписку направлять: Мо-
сква, центр, Кузнецкий М.,

13, Изд. «Земля и Фабрика».

30 дней ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

Художествен., литературно-обществен., и научно-популярный иллюстрированный

ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

Вышел № 1.

В номере новый роман

ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

„В ПРОТОЧНОМ ПЕРЕУЛКЕ“

В этом же ном.: А. Луначарский, Советский фарфор.—Вс. Иванов, Мудрый Омар.—И. Евдокимов, Правильная обложка.—Проф. Бороздин, Столица Золотой Орды.—Р. Коннелли, Упрямый болиит живот.—А. Аграновский, Город Магнет.—А. Перегудов, Медвежий край.—К. Щеглов, Вечером после редакций.—Записки Шарля Луисетто.—Дневник спортсмена.—Свое и Чужое.—Веселый архив и мног. друг.

Цена № в отд. прод.—75 к. При каждом номере талон на право участия в большой книжной лотерее (500 книжных призов).

Усл. подл. на журн. «30 дней»

С 30 ПРИЛОЖЕНИЯМИ

см. «Всемирн. Следоп.» № 1.